

Ж и в о й э к с п о н а т
Софья Николаевна КЛЕПИНИНА
1927 - 2000

Обычно бывает так: открывается музей, и посетители с почитанием и вниманием обходят залы или комнаты нового очага культуры, вникая в жизнь, быт, привычки знаменитости, жившей здесь когда-то. И пусть не сразу, а через сколько-то лет возникает и укрепляется потребность разузнать о людях, создавших этот музей и собравших бесценные экспонаты.

Позволю себе обратиться к классике: (Николай Алексеевич Некрасов «Железная дорога»)

Эпиграф:

Ваня (в кучерском армячке).

Папаша! кто строил эту дорогу?

Папаша (в пальто на красной подкладке),

Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

Разговор в вагоне

Так вот: - кто строил эту дорогу? (В нашем частном случае – строил музей).

Преотлично помню состояние радости, нет - эйфории, восторга, когда мы с Надеждой Ивановной Катаевой-Лыткиной нашли дом в Болшево. Но находка такая желанная и выстраданная породила груды дополнительных вопросов: оказывается, там была какая-то девочка, какой-то младенец Николка и даже еще кто-то. А уточнить не у кого. О существовании Клепипиных нам еще только предстояло узнать.

Ой, как прав тот мудрец Сократ: - Чем больше я знаю, тем больше понимаю, что ничего не знаю.

Как подступиться к решению задач со множеством неизвестных?

Ну разве что поможет только чудо.

Чудо появилось нежданно-негаданно, как и полагается настоящему чуду.

Я в Москве по служебным делам и перед возвращением домой звоню Надежде Ивановне так, «на всякий случай». Слышу в трубке:

- Можете приехать прямо сейчас? Да, очень важно.

Конечно, мчусь на Писемского, 6. А там прямо сходу:

- Юра, садитесь и слушайте.

Надежда Ивановна читает вслух для меня письмо некоей Клепипиной из Волгограда, адресованное Анастасии Ивановне Цветаевой. Письмо с подробным изложением своей жизни в Болшеве бок о бок с МЦ и ее семьей. Для меня это фантастика!

А случилось это до обыденности просто: Анастасия Ивановна передала Катаевой-Лыткиной несколько конвертов, которые ей просто некогда было вскрыть и прочитать. Она почту всегда отдавала своим помощникам. Сей

бесценный конверт был отдан в руки НИ, поскольку та в тот день пришла. А ведь могла и не прийти, и что случилось бы тогда?

Значит в Волгограде живет некая женщина, знавшая МЦ в Болшево все три месяца 1939 года. И это не сон. На конверте обратный адрес и НИ пишет в ответ приглашение.

Вскоре неизвестная появилась на Писемского, 6. Я конечно же там.

Мои первые к ней слова:

- Софья Николаевна, я вас не знаю, но я вас люблю!

Не вызвали у нее, сидящей глубоко в кресле, никаких изменений в лице. Именно так смотрит на мир футбольный болельщик после проигрыша своей любимой команды. Дружелюбие появится, но это произойдет позже.

Десять лет мы были на ты – я ее называл Софа. Так когда-то звала ее мама, и СН хотелось откликаться на это домашнее имя. Мы подружились сразу и надолго. Она для меня стала олицетворением цветаевского мира, куда я так хотел заглянуть. Поводырем. Проповедником. А вот кем был для нее я? Наверное, благодарным и неравнодушным слушателем, иногда собеседником. Двадцать лет разницы в возрасте (если точнее, то двадцать с половиной) – ух, как немало.

А оказывается, можно быть на равных в обращении, ну почти на равных. Так я примерил на себе то, как Борис Пастернак и Ариадна Эфрон были тоже на ты, и друг друга называли Борис и Аля. Там было 22 и тоже с половиной.

Постараюсь рассказать какой я запомнил Софью Николаевну.

Внешний облик: выше среднего роста, пожалуй, можно сказать худошавая и даже жилистая. Всегда в брюках, летом рубашка, зимой какой-то утепленный блузон. Прически никогда не было, волосы стригла и по-простому расчесывала. Из дамских украшений был один перстенок. Костлявые пальцы ее всегда были заняты работой, или барабанили, или что-то такое. Вообще спокойно, смиренно сидеть не могла.

При разговоре взгляд всегда открытый. Но на людях, при посторонних, смотрела настороженно, как бы ожидая подвоха или обиды.

Ценила шутку, умела посмеяться над собой, т.е. над своими болячками.

Тембр голоса я бы назвал приятным, и когда была в настроении не включала регистр форте. Любила животных. Когда получила квартиру в Королеве, сразу завела собачонку, пусть невзрачную и маленькую.

Как пенсионер по инвалидности материально жила чрезвычайно скромно, а если точнее – бедно. Астматик, она не могла жить без ингалятора, а стоил он два пятьдесят. Быстро ходить не могла, сразу задыхалась. И если такое случалось, то останавливалась и выдох становился с присвистыванием.

В молодости курила и занималась тяжелым физическим трудом – работала на стройке разнорабочей. Шутила про себя:

- У меня образование только «курсы бетонщиц».

После заболевания работала в многотиражке в Волгограде. Газетную работу полюбила и, по ее словам, бичевала нерадивых хозяйственников и защищала рабочий класс. Слушая ее рассказы о выполнении поручения газеты разобраться с жалобой читателя, я как сейчас вижу ее оскал при словах: - Я зубами вцеплялась... И меня не оттащить...

Утверждала, что только одна тема из всех ей осталась неподвластна.

- Я так и не смогла понять, почему у нас нельзя было спокойно сдать пустую стеклянную тару.

Показывала мне книжечку – член Союза журналистов СССР. Помню, прочитал там:

- Фамилия Клепинина, литературный псевдоним Львова.

- Это в память об отце.

Одно время трудилась рабочей сцены в областном театре. Семью не создала и похоже к этому не стремилась.

Личностью была очень одаренной: речь ее гладкая и связанная, образная, богатая на эпитеты и сравнения, часто очень точные. Знала русскую классику, умела к месту цитировать. Обладала абсолютной грамотностью. Бывало, что делала мне замечания по поводу неправильного произношения, причем в чрезвычайно тактичной форме и всегда один на один. Почерк очень четкий, крупно выводила буквы, что можно было легко прочитать ее записки ко мне. В молодости знала французский, с годами без практики все забыла.

Воспитание в доме родителей было спартанским. Ее не баловали и обращались, как и с мальчиками строго. Чтоб приласкать, приголубить доченьку – такого у мамы не было. Но материнская любовь конечно была, так было в дворянских семьях – не выставлять чувства наружу. Режим дня тоже был строгим, за обеденным столом надо быть минута в минуту, поблажек никому. В тарелке не оставлять ничего, никаких не хочу, не буду. За своим бельем и одеждой обязана следить только сама, без мамы.

Софа всю жизнь помнила мамин голос и интонацию их последнего дня. Софа сладко спала и ей очень не хотелось открывать глаза. Только слышала голоса: Голос бабушки: - Нина, Софу будить?

Голос мамы: - Не надо.

Утром от бабушки узнала, что «мама уехала».

В дальнейшем такая закалка строгостью будет помогать неизбалованной девочке не пропасть в этой жизни.

Еще немаловажный штрих: Софа только полвека спустя узнала, что ее отец крепко выпивал. Она бы не поверила никому, но об этом услышала от знающего человека. Вот насколько жизнь взрослых была отделена от жизни их детей. И это даже в стесненных жилищных условиях.

Характер. Сама говорила о себе, что, потеряв родителей, озлобилась на весь белый свет. Отсюда и трудный для общения ее характер. Друзей и подруг не

заводила. При мне поддерживала отношения с москвичкой Ириной, такой же одинокой, как и сама.

Нервная, могла вспылить. Когда перебралась к нам из Волгограда окончательно, то стала сотрудницей созданного музея и этому служению отдавалась целиком, честно и со всей душой. Экскурсии проводила очень интересно, отвечала на вопросы подробно и посетителям давала больше, чем любой из нас.

Но при этом она переживала сказанное ей же, воспоминания давили на нее. Она сильно уставала и выматывалась.

Когда СК только появилась среди нас, по своим политическим убеждениям она была беспартийным большевиком. Добавлю – ортодоксальным. Помню, в каком-то безобидном разговоре о житье-бытье у меня на кухне, я услышал от Софы: «Тебе, как коммунисту, так говорить непростительно». Заявила почти набычившись, да таким тоном, что я прикусил язык.

Рассказывая о разных этапах своей взрослой жизни, Софа всегда выступала с партийных позиций. Уточняя, это были разговоры один на один и ее вера в правильность политики КПСС была совершенно отважной. На мои осторожные, даже свехосторожные замечания об экономических ошибках и ошибочках, она всегда находила свои аргументы для возражения.

В памяти остался такой: «Юра, ведь мы были первыми в мире, кто стал строить новое, невиданное доселе общество. И посему неизбежны ошибки при движении: идем, идем – бах! Не туда. Уперлись в тупик. Разворачиваемся, ищем другую дорогу».

Так Софа могла говорить мне, когда сама была в хорошем, умиротворенном настроении. Но чаще она была другой и тогда я получал, что заслуживал, прямо в лоб: «Юра, тебе как коммунисту, говорить так не следует».

Свою убежденность она несла как знамя.

Однажды я был очевидцем жесткого идеологического спора моей всегда любимой Надежды Ивановны и, еще только входившей в наш круг, Софы Клепининой. Действие происходило на Писемского, нас было трое, и только я не проронил ни слова

Так вот, тогда я стал немым свидетелем спора можно сказать «на ножах». Начиная разговор о МЦ, перешли к СЭ, следом к родителям Софы. Неумолимо и во всей наготе стал ребром вопрос: «За что боролись?».

– Как за что, за коммунизм! За всеобщее счастье! – было абсолютно ясно Софе. – А если у власти был тиран, то этот факт не умаляет гениальности ленинского плана построения бесклассового общества.

– Только на основе христианских заповедей – горячится НИ – можно идти к светлому будущему, а марксизм-ленинизм уже привел всех нас в тупик.

Поначалу я вертел головой от одной к другой, внимая отрывистым фразам. Но обстановка накалилась быстро, спорили на повышенных тонах, и мне вертеть головой показалось неуместным: я втянул голову в плечи.

- А миллионы репрессированных ни за что? (Это НИ)
- А крестовые походы с благословения Святой Церкви? (Это Софа)

Уступить никто не хотел. НИ поступила благоразумно, как-то необходимо для Софы прекратив спор. Они не успели разругаться вдрызг и это спасло нашу будущую «команду» цветаеведов.

Потом НИ мне объясняла свое видение позиции Софы: она не может не защищать власть, которой честно служили ее отец и мать. Это ее защита от океана идеологической лжи. Если она признается самой себе, что жизнь родителей прошла впустую, то во что тогда верить. Человек не может жить без веры.

Мы с Софой очень долго были в дружеских отношениях, причем искренних. Она много лет приезжая раза по два в год из Волгограда в Москву, обыкновенно останавливалась у меня. И моя жена и особенно сын и даже кошка принимали ее с явной радостью. Разумеется, слушать ее повествования о жизни родителей, братьев, МЦ, Муре, СЭ и исповедальные монологи о себе – для меня было счастливыми часами, хотя все ее рассказы только о человеческих трагедиях. Софе хотелось излить свою душу, высказаться и, смею надеяться, во мне она нашла благодарного слушателя.

Помимо самой себя Софа привела к нам еще важных очевидцев: невестку Клепониных Ирину Павловну Горошевскую и «младенца Николку» Николая Алексеевича Сеземана. Мы даже успели повидаться с Алексеем Васильевичем Сеземаном. Только благодаря Софе мы собрали такую группу живых очевидцев.

Понимая, что можно, а что нельзя, я никогда не поздравлял Софу с праздником «7 ноября». Это я осознанно соблюдал, хотя все 80-е годы этот день был шумно-праздничным с шествием на демонстрацию трудящихся, и в ее присутствие мы отмечали красный день календаря застольем. Но однажды, в один из годов я оплошал, совершенно нечаянно, неосторожно брякнул «С праздником...».

- Не надо меня поздравлять... очень грустным голосом медленно выдавила из себя Софа. Трагедия гибели семьи всегда была с ней.

Софья Николаевна Клепанина обнаружила себя для становления будущего музея МЦ очень вовремя. До ее появления из вопросов «Что? Где? Когда?» мы не знали ответа только на первый, зато самый трудный. И Софа этот вопрос закрыла.

Кошель Юрий Александрович,
15.09.2021